

Введение

Начиная с 60-х годов минувшего столетия становление новой эпохи Постмодерна сопровождается становлением подхода, в центре внимания которого – личность во всем многообразии ее проявлений, понимание человека как дискурса, текста, который обязательно имеет «подтекст». Подобное понимание личности сопровождается развитием лингвистических наук, в центре внимания которых – универсальные семантические универсалии. Одной из важнейших семантических универсалий является многозначность, многозначность как результат расширения семантической структуры.

Рост научного интереса к развитию денотативного значения, расширению семантических полей лексической единицы приводит к появлению внушительного корпуса работ, посвященных исследованию многочисленных вопросов формирования многозначности лексем. По мнению А. А. Зализняк, Ю. Д. Апресяна, И. М. Задорожного, Д. Н. Шмелева и др. многозначность выступает инструментом эволюции лексической системы языка, эффективным средством категоризации окружающей социально-природной среды. Вместе с тем, многочисленные аспекты особенностей функционирования стилистических приемов, основанных на многозначности, в рамках художественных дискурсов, их роль и значение остаются за рамками научного интереса. Вместе с тем, понимание семантических, прагматических трансформаций стилистических приемов, основанных на многозначности, под влиянием контекстуального окружения художественного дискурса позволит лучше понять закономерности и механизмы расширения семантической структуры лексических единиц, механизмы обогащения словарного запаса системы английского языка. Другими словами, возникает **проблема исследования**, обусловленная необходимостью исследования особенностей функционирования стилистических приемов, основанных на многозначности, в рамках

художественных текстов, и отсутствием детального изучения данного аспекта в современной научной литературе.

Необходимость изучения стилистических приемеов, основанных на многозначности, в контексте художественного дискурса обуславливает **актуальность выбранной темы исследования.**

Объектом данного исследования выступают стилистические приемы английского языка, основанные на многозначности лексических единиц.

Предметом данного исследования выступают особенности функционирования, роль и значение указанных стилистических приемов в художественных англоязычных дискурсах.

Целью исследования выступает изучение стилистического потенциала стилистических приемов, основанных на многозначности, и его актуализация под влиянием контекстуального окружения в художественном дискурсе.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения ряда актуальных **задач**, включая следующие:

- проанализировать современные подходы к пониманию сущности многозначности, различные подходы к формированию дефиниции лингвистической категории;
- выявить факторы, определяющие развитие многозначности;
- выявить различные виды, уровни, типы многозначности;
- выявить особенности функционирования стилистических приемов, основанных на многозначности, в англоязычных художественных дискурсах;

Методы исследования: изучение и анализ лингвистической литературы, диссертационных материалов и статей по теме исследования; метод сопоставления семантических структур исходных и производных слов, словообразовательный анализ.

В качестве **материала исследования** были выбраны произведения О. Уайльда как одни из ярких примеров англоязычной лингвокультуры. В рамках исследования было проанализировано 72 стилистических приема, основанных на многозначности.

Теоретической базой исследования выступает корпус научно-исследовательской литературы, включая работы Ю. Д. Апресяна, И. А. Стернина, И. Р. Гальперин, Е. Л. Гинзбург, В. Д. Гольдберг, А. А. Потебни, А. М. Зализняк, А. А. Уфимцевой, Л. П. Крысина и др.

Научная новизна исследования обусловлена потребностью изучения стилистических приемов в системе английского языка, основанных на многозначности, для большего погружения в атмосферу произведений и осознания полной картины повествования.

Теоретическая значимость исследования заключается в наличии возможностей прогнозирования путей развития семантики стилистических приемов, функционирования отдельных денотативных и коннотативных значений на основании проведенного детального анализа.

Практическая значимость исследования заключается в наличии возможности использования полученных данных для повышения социолингвической компетенции изучающих английский язык, а также при рассмотрении проблем многозначности.

Структура исследования. Данная работа состоит из введения, двух разделов (теоретического и практического), заключения, списка использованных источников.

Глава 1. Явление многозначности в системе английского языка

1.1 Феномен многозначности

Прошрое столетие ознаменовалось бумом развития лингвистических наук, включая лексикологию, в рамках которой осуществляется смена методологической установки, общего взгляда на понятие семантического значения. В результате интенсивного развития лингвистических наук в центре внимания исследователей оказались самые различные аспекты языковой системы, взаимосвязей языка и мышления, особенностей функционирования лексических единиц, концептов как ментальных концептов и пр.

Многие лингвисты приравнивают такие понятия как полисемия и многозначность. Однако, есть противоположная точка зрения. По мнению И.Г. Ольшанского понятие многозначности намного шире, оно включает в себя не только полисемию, но и речевую неоднозначность [Ольшанский 1987: 127]. В данной работе будут исследованы стилистические приемы, основанные именно на неоднозначности. Исходя из этого в данной работе будет использован термин «многозначность».

Как отмечает М. В. Вяткина, о многозначности стали говорить в 80-х годах 20 века, «хотя многозначность как языковое явление была объектом пристального внимания лингвистов в разные периоды развития языкознания, т. к. одним из очевидных свойств слова является его неоднозначность» [Вяткина 2004: 14].

В результате становления новой научной мировоззренческой парадигме, в современной научной литературе общепринятым выступает мнение, согласно которому, как отмечает Р. П. Козлова, большинство слов «представляют собой сложное семантическое единство, являясь уникальными структурами, состоящими из иерархически организованных

лексико-семантических вариантов (ЛСВ), то есть, иными словами, представляют собой многозначные лексемы» [Козлова 2000: 47].

Формирование многозначности лексических единиц представляет собой универсальный процесс, нашедший репрезентацию в каждой сфере научного знания, в большинстве мировых языков, включая английский.

Феномен многозначности представляет интерес для исследования, как с позиций изучения формирования структуры многозначности, как таковой, так и с позиций изучения возникновения многозначности в связи с сознательными процессами переосмысления первоначальной семантики, отражающими этнические особенности ментальности.

Современных лингвистов привлекают самые различные аспекты многозначности. Детально исследованы такие аспекты, как анализ семантической структуры, выявления типов значений, образующих многозначность, соотношение с синонимией и омонимией, когнитивные обоснования развития многозначности.

Неоценимый вклад в исследования феномена многозначности и лингвистики в целом внесли такие выдающиеся ученые, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. В. Виноградов, Л. С. Выготский, И. Р. Гальперин, Е. Л. Гинзбург, В. фон Гумбольдт, М. И. Задорожный и многие другие.

Следует отметить, что в современном русском и английском языках большинство лексических единиц выступают многозначными. Так, П. Роже указывает, что почти 60% английских слов выступают полисемантами [Langacker 1973: 72]. А. Г. Уорелл указывает, что 500 наиболее употребительных слов английского языка передают более 10 000 значений [Авдевич 2008: 163].

Подобная ситуация обусловлена социокультурной ситуацией глобального мира, появлением новых реалий и процессов. Соответственно представители культурной модели сталкиваются с необходимостью номинации новых феноменов, что приводит к необходимости либо

реализации словообразовательных стратегий, либо расширению семантической структуры уже существующих лексем.

Другими словами, феномен многозначности неразрывно связан с необходимостью реализации когнитивных процессов, познания мира, моделирования национальной языковой картины мира. В большинстве случаев человек имеет дело не самим миром, а его репрезентацией, представленной через призму этнической культуры и языка.

В процессе исторического развития язык наследует свой материал и структуру от предшествующих эпох, однако, динамические изменения всех аспектов жизнедеятельности, появление новых реалий ставят перед ним новые задачи. С целью реализации номинативной функции в подобных условиях человек либо создает неологизмы, либо подчиняет новым задачам выражения старый материал [Герви 2001: 6]. Феномен многозначности, таким образом, выступает неотъемлемой, фундаментальной характеристикой языка. Отсутствие синонимии и многозначности вынудило бы «держать в мозгу чудовищный запас слов с отдельными названиями для любого явления, о котором нам понадобится говорить» [Герви 2001: 8]. По мнению М. И. Задорожного, сам язык превратился бы «в бесконечный и бессистемный набор этикеток, удержать который ни одно естественное запоминающее устройство было бы не в состоянии» [Задорожный 1971: 9 - 10].

Явление многозначности выступает, таким образом, реализацией принципа экономии в языке, результатом категоризации деятельности мышления, результат когнитивных процессов: «действительность – безгранична, возможности памяти ограничены» [Задорожный 1971: 9], универсальным явлением, обусловленным действием закона асимметричного дуализма языкового знака, согласно которому и обозначающее, и обозначаемое стремятся «выйти» из рамок, назначенных им партнером: «обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [Герви 2001: 14].

Другими словами, в процессе расширения семантической структуры осуществляется номинация нового процесса, феномена, реалии на основании его сравнения с уже знакомыми. Феномен многозначности обусловлен «человеческой способностью соизмерять, ассоциировать разные категории, и такое соизмерение происходит в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений» [Лапшина 1998: 5]. Следует отметить, что в процессе развития семантической структуры новые значения по мере удаления от первичного существенно усложняются.

Явление многозначности обусловлено самой сущностью слова как семантической структуры, семантического конструкта. В наиболее общем виде семантическая структура лексической единицы представляет собой концептуальную сферу, «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2007: 99]; «объединение слов разных частей речи, которые на уровне своих лексических значений имеют хотя бы одну общую (интегральную) сему» [Солодуб 2002: 59].

В наиболее общем виде в структуре семантического поля выделяют «общее значение» (Р. Якобсон), «главное значение» (Е. Курилович) и частные значения. Единство концептуальной схемы достигается наличием тесных деривационных взаимосвязей между всеми значениями семантической структуры. Деривационные связи, по словам Е. С. Кубряковой, «отражают способность слова, благодаря словообразованию и процессам его семантического развития, входить одновременно в различные лексикосемантические парадигмы и демонстрировать, таким образом, помимо парадигматических и синтагматических еще и эпидигматические связи» [Кубрякова 1990: 366 - 367].

В семантической структуре выделяют эксплицитные, имплицитные смыслы. Как отмечает Л. В. Цыбина, обращаясь к имплицитному смыслу,

автор высказывания стремится к моделированию в сознании адресата определенных коннотаций, «семантических сущностей, выражающих эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Цыбина 2005: 6].

Таким образом, расширение семантической структуры лексических единиц, развитие многозначности, выступают процессами развития языковой системы, номинации и категоризации социокультурной окружающей среды. В процессе формирования многозначности активное участие принимают интенциональные, инвентивные, прагматические факторы, что приводит к формированию иерархизированной концептуальной системы, в структуре которой выделяется главное, основное значение и частные значения, единство которых обеспечивается наличием деривационных связей.

1.2 Различные подходы к определению понятия многозначности

Несмотря на внушительный корпус работ, посвященный изучению явления многозначности в отечественной и зарубежной литературе, единый подход к дефиниции термина отсутствует. Более того, в рамках современной отечественной лингвистики успешно функционируют несколько близких по значению терминов: полисемия, многозначность, неоднозначность, семантическая деривация. Под многозначностью понимают «существование у некоторой единицы более одного значения» [Зализняк 2004: 21].

Термин полисемия выступает синонимичным многозначности, однако относится преимущественно к лексической стороне речи, выступает парадигматической категорией, выступая референтом наличия у лексической единицы не одного семантического значения, тогда как термин многозначность затрагивает и синтагматические отношения, указывая на

наличие у языковой единицы возможностей одновременной реализации нескольких значений [Зализняк 2004: 21].

Как отмечает М. В. Вяткина, «собирая в одной звуковой оболочке несколько связанных друг с другом значений, многозначное слово представляет собой микросистемное образование, категорию категорий, члены которой организованы между собой на основе типизированных ассоциаций» [Вяткина 2004: 7]. Многозначность, таким образом, выступает более широкой дефиницией по отношению к полисемии. Полисемичным может быть только слово, тогда как многозначным и выражение, и высказывание.

Термин семантическая деривация зачастую используется как синоним многозначности, он «может быть применён не только к процессу, но и к результату, т.е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван “семантической деривацией”» [Зализняк 2001: 13].

Под категорией неоднозначности в современной лингвистической литературе понимают наличие у языковой единицы нескольких различных смыслов. А. А. Зализняк различает лексическую и синтаксическую неоднозначность [Зализняк 2004: 23]. В свою очередь Ю. Д. Апресян различает языковую неоднозначность, в структуре которой выделяется лексическая и синтаксическая категории, и речевую, возникающую в рамках практической реализации дискурсивного взаимодействия [Апресян 1995: 175 - 178]. Таким образом, языковая неоднозначность представляет собой «способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы», тогда как речевая неоднозначность – «это реализация данного свойства в конкретном высказывании» [Зализняк 2004: 24]. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной, обусловленной контекстом реализации коммуникативного взаимодействия, а может быть намеренной, составлять основу реализации речевой стратегии. Указанные термины акцентируют

внимание на наличии множества смысловых центров в рамках лексической единицы.

Другими словами, несмотря на то, что указанные термины выступают синонимичными, используются в качестве синонимов в современной научной литературе, они не идентичны. В рамках данного исследования наиболее целесообразным представляется термин многозначность, поскольку рамки изучения ограничены языковым материалом, формированием дополнительных семантических значений под влиянием контекстуального дискурсивного окружения без учета невербальной стороны составляющей.

Таким образом, многозначность представляет собой одно из важнейших явлений языка, которое «как нельзя лучше демонстрирует все богатство, изобилие и сложность английского языка, а также показывает нам историю его развития и становления» [Литвин 2005: 90]. Многозначность современного английского языка выступает результатом длительного исторического процесса его развития.

В рамках данного исследования целесообразным представляется разграничение между категориями многозначности и омонимии. Несмотря на то, что английский язык содержит достаточно большое количество омонимов, которое намного превосходит численность омонимов русского языка, и количество, все же, не превышает 20% от общей совокупности лексем [Гурова 2005: 58].

В наиболее общем виде, разница между омонимией и многозначностью может быть отнесена к различиям деривации лексем: принято считать, что формирование омонимов осуществляется на основании различных лексических единиц, тогда как многозначность – расширение значения одной лексической единицы. Иначе говоря, в процессе формирования и развития омонимии достаточно проблематично обнаружить влияние социальных, исторических, политических, научных факторов, процессов социально-природной окружающей действительности, тогда как многозначность – непосредственный результат совокупности подобных влияний. Развития

омонимии обусловлено преимущественно внутрилингвистическими факторами, историческими процессами трансформаций языковой системы в процессе ее исторического развития. Многозначность же – предполагает появление новых значений, необходимы для реализации процессов номинации, категоризации феноменов социально-природной окружающей среды.

Иначе говоря, многозначность предполагает мотивированные или связанные значения одного слова, а омонимия – несвязные значения, образующие различные, не связанные между собой слова. Другими словами, по словам Д. В. Качурина, «если омонимия — это совпадение того, что не должно бы совпадать, то есть совпадение в каком-то смысле случайное, то в качестве решения вопроса границ омонимии и многозначности естественным выглядит отграничение случайных совпадений от тех, которые случайными назвать нельзя, которые лишь “кажутся” случайными» [Качурин 2013: 46].

Указанные процессы выступают взаимосвязанными: процесс распада полисемантического слова влечет за собой появление омонимичных единиц, кроме того, в процессе исторического развития слова-омонимы с разным значением могут стать значениями одного и того же слова. Принципиальное отличие между данными категориями, процессами заключается в том, что омонимия, по своей сути, представляет собой звуковое совпадение несвязанных по значению слов, многозначность же представляет собой наличие у лексической единицы иметь больше, чем одно значение. Многозначность, таким образом, представляет собой «основной механизм саморазвития любой системы, в том числе и системы языка» [Барабаш 2014: 188].

На современном этапе развития лингвистических наук, представлены различные критерии разграничения омонимии и многозначности, однако, ни один из них не является универсальным, бесспорным.

Представлены в современном языкознании и пограничные точки зрения, согласно которым любое производное слово, образованное в

процессе реализации многочисленных актов деривации по одной и той же модели, представляет собой «сложный конструктор, совмещающий в себе признаки и полисеманта, и омонимичной структур, не являясь в чистом виде ни тем, ни другим» [Шкуропацкая 2003: 240]. Другими словами, подобные конструкторы понимаются сложными образованиями, совмещающими в себе признаки и полисеманта, и омонима, что существенно усложняет процессы разграничения данных явлений.

Таким образом, современный английский язык по своей сути представляет собой результат продуктивного развития многозначности лексических единиц, отражение перманентного динамического развития, трансформаций, модификаций языковой системы как инструмента репрезентации национальной языковой картины мира и эффективного инструмента ее моделирования. В отличие от омонимии многозначность отражает особенности исторического развития национальной языковой системы, представляет собой результат развития материальной и духовной культуры нации, которое обуславливает необходимость номинации, категоризации объектов окружающей социально-природной среды.

1.3 Факторы, определяющие развитие многозначности

Расширение семантической структуры лексемы может осуществляться с помощью метафорического переосмысления, основанного на одновременном присутствии «двух денотативно различных, но концептуально тождественных планов изображения» [Зализняк 2004: 25], оживления внутренней формы, моделирования языковой игры, каламбура.

В наиболее общем виде, источники формирования многозначности лексической единицы могут быть сведены к стратегиям противопоставления различных семантических значений, обыгрывании различных денотатов,

например, в каламбурах, и стратегиями синтеза различных значений, в результате которого формируется новое значение.

А. А. Зализняк называет следующие источники расширения семантической структуры посредством реализации синтезных стратегий [Зализняк 2004: 26 - 28]:

1) «склеивание» - стратегия, основанная на синтезе в рамках одной лексической единицы двух отчетливо различных, но не взаимоисключающих пониманий, например,

*Через край полная **аудитория** была беспокойна и издавала глухой, сдавленный гул (А. Герцен).*

В приведенном фрагменте выделенная лексическая единица одновременно выступает референтом и посещения, и людей, находящихся в помещении. Подобная стратегия предполагает одновременное наличие двух прочтений;

2) «сплав» – стратегия, основанная на синтезе двух отчетливо различных значений, прямого и переносного смысла, которые формируют новый смысл, сохраняя при этом ощущение разности;

3) «мерцание», «осцилляция» - стратегия, при которой лексема имеет два значения, причем одно представлено ярко, другое – присутствует имплицитно, например:

*Смотрим и **видим**, что вышла ошибка (А. Галич. Ошибка)*

Глагол «видим» в данном случае выступает носителем одновременно двух значений: зрительного восприятия и понимания, мысленного видения;

4) стратегия совмещения значений, основанная на «принципе тернарной семантики» (Т. М. Николаева), при реализации которой «одна и та же лексическая единица (иногда - просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае - как бы и X и Y одновременно» [Николаева 1997: 41]. Например, в «Повести временных лет» лексема галки используется и для обозначения птиц, и для номинации

половцев, причем, в большинстве случаев интерпретация семантического значения вызывает затруднения, что позволяет в зависимости от индивидуального восприятия интерпретировать слово в обоих приведенных значениях.

Разумеется, данная классификация не является исчерпывающей, может быть дополнена другими стратегиями, однако в основе расширения семантической структуры лексической единицы лежит свойство диффузности отдельных значений, «которая не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью “совмещения” некоторых из них в определенных контекстах» [Шмелев 1973: 80]. Другими словами, каждая многозначная единица употребляется в речи в каком-то одном из своих значений, сама многозначность выступает порождением актуализации одного из значений в определенном контексте.

Таким образом, совмещение значений выступает «явлением не просто не периферийным, а в некотором смысле конституирующим для семантической системы языка» [Зализняк 2004: 29]; средством, обуславливающим семантическую эволюцию.

Развитие многозначности осуществляется по пути расщепления общего значения, причем, процессы метафорического переосмысления изначальной семантики не воспринимаются как порождающие отдельные сущности [Иванов 1999: 550].

Причины актуализации стратегий, которые приводят к развитию многозначности, на протяжении длительного времени привлекают внимание исследователей. Одним из первых внимание на данную проблему обратил В. В. Виноградов, который видел причины формирования многозначности в многообразии объектов реальной действительности и ограниченности языковой системы, в том, что «оказывается вынужденным разносить

бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий» [Виноградов 1947: 15].

Указанное положение остается общепринятым и в современной науке. Например, О. Б. Иванова, причины формирования многозначности видит в интерлингвистических факторах, понимая под основой данной явления понимает «такое базовое свойство знаков естественного языка, как асимметрия плана выражения и плана содержания языкового знака, т.е. отсутствие одно-однозначного соответствия между означающим и означаемым» [Иванова 2010: 69].

М. В. Вяткина видит причины развития многозначности в совокупности влияния следующих факторов [Вяткина 2004: 14]:

1) частотность употребления слов, обусловленная актуальностью для определенной социальной общности понятия, обозначаемого данной лексической единицей;

2) отсутствие экспрессии, эмоциональной окраски у производного слова;

3) грамматическая природа лексемы – принадлежность к той или иной грамматической категории. Следует отметить, что каждая часть речи характеризуется собственными семантико-деривационными потенциями;

4) структурные особенности слова: лексические единицы со сложно структурой обладают меньшим семантико-деривационным потенциалом, чем слова с непроемной основой;

5) фиксация безграничного человеческого опыта ограниченными средствами языковой системы, когда за одним звуковым комплексом закрепляется несколько значений.

С. М. Толстая полагает, что «Структура многозначного слова может быть результатом действия разных языковых механизмов — как семантических, развивающих потенциал исходного значения слова в некоторых стандартных направлениях, так и номинационных (когнитивных), ориентированных на типовые способы категоризации действительности, и,

наконец, системных, порождающих те или иные лексические единицы по внутриязыковым правилам» [Толстая 2007: 307]. Другими словами, в процессе развития многозначности слова, расширения его семантической структуры принимают участие факторы всех уровней языковой системы.

Таким образом, развитие многозначности обусловлено рядом лингвистических факторов, формирование которых, в свою очередь, обусловлены различными интралингвистическими факторами.

Кроме того, активное участие в формировании многозначности лексических единиц играет индивидуально-авторская картина мира и особенности ее интерпретации. Многозначность, таким образом, «выступает “встречей” или “столкновением” двух сторон – автора и адресата, при этом третий полноправный участник коммуникации – текст также добавляет многозначности» [Кирсанова 2007: 88].

Другими словами, огромную роль в процессе развития многозначности, многозначности лексем играют как лингвистические, так и психологические факторы. Как отмечает Ю. И. Гурова, формирование многозначности осуществляется, когда «человек по тем или иным причинам хочет избежать употребления конкретного термина в своей речи и заменяет его другим словом, сохраняя смысл своего высказывания» [Гурова 2015: 58]. Подобная ситуация может быть обусловлена религиозными факторами, личностными предпочтениями, функционирующими коммуникативными табу, стремлением избежать тавтологии и пр.

Среди факторов вторичного использования лексической единицы отдельно следует выделить экстралингвистические факторы: экономические, социальные, политические трансформации, появление новых реалий, требующих адекватной номинации.

Таким образом, в современной научной литературе представлены многочисленные подходы к классификации способов, факторов формирования новых значений, однако, в наиболее общем виде они могут быть сведены к внутриязыковым и экстралингвистическим условиям,

совокупность влияния которых приводит к рождению нового смысла, семантического значения, расширению семантической структуры.

1.4 Различные типы, виды и уровни многозначности

Вопросы разграничения различных видов, типов многозначности представляют собой одну из наиболее проблемных областей современного языкознания. В наиболее общем виде вся совокупность многозначных слов может быть представлена двумя типами лексических единиц [Вяткина 2004: 22]:

- 1) производные единицы;
- 2) непроизводные единицы, объединенные тождеством ассоциативных связей.

В первом случае взаимосвязи между лексико-семантическими вариантами актуализируются на межсловном уровне, во втором, - на внутрисловном.

Кроме того, в английском языке существуют сложные дериваты, для которых характерно наличие как внутрисловных, так и межсловных лексико-семантических вариантов. Таким образом, на основании реализации многозначности в языке можно выделить следующие виды многозначности [Вяткина 2004: 22]:

- 1) внутрисловная;
- 2) межсловная;
- 3) внутрисловно-межсловная.

В теории словообразования классификация полисемантов осуществляется на основании характера и особенностей протекания деривационных процессов, а также факторов, участвующих в этом процессе. На основании учета данного критерия выделяют следующие уровни межсловной многозначности [Вяткина 2004: 24]:

а) в результате неоднократной реализации словообразовательной модели, например: заметать – заметало, т. е. 1) реализация определенных действий; 2) то, что заметает, то, при помощи чего это действие реализуется;

б) на основании мотивации от разных значений одной производящей лексемы, например: мыть может иметь два значения: мыть полы, стирать, соответственно, мытильня - лексема, образованная от второго значения производной основы с значением «женщина, которая стирает, прачка»;

в) в результате образования от разных слов гнезда, например, белила, белить – делать что – либо белым, отбеливать: белина – белый материал, белила для лица

Следует отметить, что в современной лингвистике единый подход к пониманию роли значений в структуре многозначного слова отсутствует. Традиционно, ряд исследователей подчеркивает приоритетную роль первоначального, основного значения. Как отмечает Л. Блумфильд, мы всегда понимаем слово в его «центральном значении до тех пор, пока что-либо в практической ситуации не заставит нас обратиться к поискам переносного значения» [Амелина 2010: 174]. Аналогично, Л. В. Амелина подчеркивает, что базовое значение играет главенствующую роль [Амелина 2010: 174]. Другими словами, в семантической структуре многозначного слова выделяют первичные и производные значения, совокупность которых формирует иерархическую модель.

Е. Н. Трифонова полагает, что иерархия отношений между лексико-семантическими вариантами представлена тремя видами взаимодействий [Трифопова 2004: 18]:

1. Отдельные значения полисемантических слов неравноправны;
2. Значения многозначных лексем равноправны;
3. Значения могут быть равноправными в одном случае и неравноправными – в другом.

В свою очередь М. С. Шумалова выделяет следующие виды отношений между инвариантами одного слова [Шумалова 2015: 62 - 63]:

1) пересечение – инварианты словам имеют общую семантическую составляющую, однако, каждый из них имеет свою специфическую часть;

2) включение – один из инвариантов сложнее других, полностью включает в себя семантику другого компонента.

В то же время ряд ученых опровергает иерархическую структуру семантического поля, второстепенную роль дериватов, полагая, что в процессе формирования семантического единства поля принимают участие как первичные, так и производные значения, и целостность семантической структуры заключается не в наличии общего значения, подчиняющего себе все иные, но в «определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [Пешковский 1959: 83].

Вне зависимости от внутрисловных отношений на межсловном уровне многозначные лексемы вступают в коммуникативное взаимодействие «не как единое целое, а как совокупность, хотя и очень близких, но все-таки разных лексических значений» [Козлова 2000: 47]. В результате подобного взаимодействия формируется иерархическая совокупность семантических значений, которые могут быть представлены в виде следующих типов [Авдевич 2008: 168]:

1) - буквальные значения (*literal / basic meaning*) – значения, вытекающие из совокупности семантики всех компонентов;

2) полуидиоматические значения (*semi-idiomatic meaning*) – значения, вытекающие из контекстуального окружения, семантика которых при этом не вызывает трудностей в процессе интерпретации;

3) традиционно идиоматические значения (*idiomatic meaning*)

– значения, вытекающие из смысла компонентов, но требующих метафорического переосмысления всей коммуникативной ситуации.

Как правило, процесс расщепления семантического значения, формирование многозначности лексемы осуществляется в процессе реализации следующих стратегий [Гурова 2015: 59]:

1) цепочечный или параллельный. Примером развития цепочечной многозначности может выступать развитие многозначности существительного *Brain*. Семантическая структура лексической единицы представлена следующими значениями [Мюллер 1969: 15]:

- *орган, который находится внутри черепной коробки и контролирует функционирование и деятельность личности, позволяя ей думать и чувствовать;*

- *совокупность мыслей личности;*

- *говоря человеку, что у него хороший мозг, мы подразумеваем, что он умен, образован, способен принимать правильные решения;*

- *человека, который эффективно организует функционирование, деятельность того или иного социального объединения, коллектива людей, можно назвать мозгом компании (неформальн.).*

Другими словами, каждое последующее значения вытекает из предыдущего, является результатом его переосмысления.

В качестве аналогичных примеров цепочечного развития многозначности можно назвать развитие семантической структуры существительного *Picture*, значения которого представлены следующими [Мюллер 1969: 82]:

- *картина, состоящая из форм и линий, изображающая определенный объект или сцену, которая может быть представлена перед человеком;*

- *фотография;*

- *изображение на экране телевизора;*

- фильм;
- в британском варианте, фильм, который может быть представлен для просмотра в кинотеатре;
- представление чего – либо в уме, в воображении.

Аналогично проанализированному выше примеру, каждое последующее значение данного существительного вытекает из предыдущего, неразрывно связано с ним. В то же время, в зависимости от характера и интенсивности протекания процесса развития многозначности, семантической структуры лексической единицы, во многих случаях каждое последующее значение может существенно отличаться от исходного, быть далеким от него по смыслу. В таком случае возникают проблемы разграничения явлений многозначности и омонимии.

По своей сути, в цепочном процессе развития многозначности «вереница значений образует некий логический ряд, в котором последующее значение находится в зависимости от предшествующего» [Гурова 2015: 59]. Выпадение хотя бы одного из элементов данной цепочки приводит к нарушениям логической системы построения значений, распаду многозначности.

2) радиальный. Примерами данного вида развития многозначности могут выступать следующие:

Существительно *Step* может обозначать [Мюллер 1969: 152]:

- движение ноги (основное, базовое значение);
- действие, которое предпринимает человек для достижения определенных целей.

Как видно из приведенного примера, при радиальном пути развития многозначности от центрального, базового значения, как лучи, отходят вторичные, производные. Другими словами, каждое производное значение выводится из основного, а не другого производного.

В качестве иного примера данного типа развития многозначности может служить семантическая структура существительного *Lion*, значения которого могут быть представлены следующими [Мюллер 1969: 87]:

- вид хищного млекопитающего из семейства кошачьих;
- знаменитость;
- символ, геральдическое изображение;
- львом называют сильного, волевого, храброго человека;
- в христианской религии лев является символом Евангелиста Марка

Как видно из приведенного анализа, на основании центрального базового значения сформированы другие, которые существенно разнятся друг от друга, а не вытекают из производных.

Следует отметить, что в современном английском языке именно радиальный путь развития многозначности является наиболее продуктивным.

Г. К. Касимова дополнительно выделяет следующие виды многозначности [Касимова 2012: 101]:

3) радиально-цепочечная, которая синтезирует в себе особенности двух проанализированных типов формирования многозначности слова;

4) отраженная многозначность, при которой многозначность развивается в производящем, но при соотносимости производного и производящего по всему семантическому объёму передается производному. Например при формировании лексемы «абрикосовый» прилагательному передаются все значения производящей «абрикос».

По источнику формирования выделяют следующие виды многозначности [Мусатов 2010: 151 - 152]:

1. Отраженная многозначность;
2. Развитая многозначность – производное слово мотивируется одним производящим, однако, обладает прямым и переносным значением. Прямое значение производного возникает как результат словообразовательного акта, а производное – на базе производного. Например, в выражении «могильщик капитализма»,

существительное «могильщик» связано с производным «могила» формальными признаками, однако переносное значение не имеет к производному значения;

3. Аффиксальная многозначность возникает за счет многозначности аффиксов, например: лексема «голубятник» имеет намного больше значений, чем производящее существительное «голубь»;

4. Нарощенная многозначность возникает не на основании многозначности основы или аффикса, но за счет третьей составляющей. Например, многозначность существительного «лошадник» возникает ни за счет производящего, ни за счет аффикса, значение «страстный любитель лошадей» возникает, скорее, на ассоциативном уровне;

5. Комбинированная многозначность представляет собой совмещение различных типов формирования многозначности, проанализированные выше.

В результате реализации указанных стратегий дериват приобретает вторичные признаки, которые могут быть представлены в виде следующих трансформаций:

1) сужение: старое значение соответствует родовому понятию, тогда как производное относится к видовому;

2) расширение: видовое понятие расширяется до родового;

3) перенос значения, основанный на основании сходства (метафора) или смежности (метонимия);

4) прочие типы, среди которых можно выделить ухудшение – негативное значение слова настолько усиливается, что подменяет собой все прочие значения, становится центральным; улучшение – улучшение позитивной эмоциональной оценки; гипербола – крайнее преувеличение масштабов какого-либо явления или объекта; литота

– прием, обратный гиперболизации, который заключается в сознательном преуменьшении масштабов явления или процесса.

При расширении или сужении семантической структуры лексемы трансформации осуществляются поэтапно, постепенно; при смещении представляют собой мгновенный осознанный процесс.

Метафорическое переосмысление осуществляется на основании сходства между предметами, явлениями, которое может проявляться в сходстве форм, цвета, размеров, любых иных характеристик и качества.

Основанием для метонимического переосмысления может являться любая смежность явлений или феноменов, включая часть-целое, производитель – изготовление, автор-произведение, действие – место действия, учреждение – помещение, место – событие, здание – социальный институт и пр. Следует отметить, что перенос на основании часть –целое и наоборот является синекдохой – одним из видов метонимии.

Таким образом, в современном языкознании выделяют несколько подходов к классификации многозначности, стратегий развития многозначности. Наиболее распространенной формой формирования многозначности в системе языка выступает радиальная, основанная на формировании многочисленных семантических значений под влиянием контекстуального окружения от базового, основного значения.

Выводы по Главе 1

Теоретический раздел исследования посвящен выявлению истории изучения многозначности, многозначности как одной из наиболее актуальных категорий лингвистики современности, факторов, обуславливающих формирование новых значений слова, а также современных подходов к пониманию многозначности.

Под многозначностью в рамках данного исследования понимается реализация принципа экономии в языке, результат категоризации

деятельности мышления, результат когнитивных процессов, формирование в семантической структуре лексической единицы более, чем одного значения.

Кроме того, в теоретической части исследования осуществляется разграничение категорий омонимии и многозначности, выявляются факторы, которые обуславливают развитие многозначности, а также выявляются различные виды многозначности в современных лингвистических науках.

Феномен многозначности неразрывно связан с необходимостью реализации когнитивных процессов, познания мира, моделирования национальной языковой картины мира, осуществления процессов номинации и категоризации. Причины развития многозначности кроются как во внутрилингвистических и экстралингвистических факторах, совокупность влияния которых приводит к рождению нового смысла, семантического значения, расширению семантической структуры.

Таким образом, современный английский язык по своей сути представляет собой результат продуктивного развития многозначности лексических единиц, отражение перманентного динамического развития, трансформаций, модификаций языковой системы как инструмента репрезентации национальной языковой картины мира и эффективного инструмента ее моделирования.

Глава 2. Анализ стилистических приемов, основанных на многозначности, в произведениях О. Уайльда

2.1 Особенности функционирования метафор

Метафоры представляют собой один из наиболее эффективных инструментов переосмысления объектов, явлений и процессов, что обуславливает их множественное функционирование в художественном пространстве. Под метафорой в современной научной литературе понимается «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [Гальперин 1958: 125].

Примерами использования метафор в произведениях О. Уайльда могут служить следующие:

Gwendolen is devoted to bread and butter [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

Гвендолен обожает хлеб с маслом [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

Согласно Longman Dictionary of Contemporary English глагол “*devote*” имеет следующее значение “*to use all or most of your time, effort etc. in order to do something or help someone. (SYN – dedicate)*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном примере метафора выражена глаголом, который реализует роль сказуемого, под влиянием контекстуального окружения глагол приобретает дополнительное значение “*adore*” (обожать), которое дополняет предметно-логическое “*dedicate*” (посвящать, быть преданным), из этого следует, что данный пример основан на многозначности. Также в результате этого формируется образность повествования.

The God of this century is wealth [Wilde O. An Ideal Husband, 2008]

Кумир нашего времени – деньги [Уайльд О. Идеальный муж, 2012].

Прямое значение лексемы *God* следующее “*the spirit or being who Christians, Jews, Muslims etc pray to, and who they believe created the universe.*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном фрагменте формирование метафоры осуществляется на основании наделения неодушевленного объекта – богатства, денег свойствами живого. Другими словами, в рамках данного фрагмента автор прибегает к персонификации, наделяя богатство огромной побудительной силой, представляя его в качестве всемогущего верховного существа, управляющего жизнь людей и мира в целом. Также значение слова “*God*” принимает значение “предмет слепого поклонения” (*idol*). Наличие в примере производного значения слова доказывает, что данный пример основан на многозначности.

I had a wild hope that I might disarm destiny [Wilde O. *An Ideal Husband*, 2008].

Но я много раз пытался откупиться... умилюститъ судьбу [Уайльд О. *Идеальный муж*, 2012]

В приведенном фрагменте формирование метафоры осуществляется посредством глагола *disarm*, который имеет следующие первичное значение: *to take away someone's weapons* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

Под влиянием контекста в семантической структуре формируется новое значение “*to make someone feel less angry or disapproving of you, and more friendly*” (сделать милостивым, склонить к милосердию), и глагол становится многозначным. В результате смещения логико-предметного и контекстуального значений формируется метафоричность глагола.

Степень иносказательности, метафоричности повышается также благодаря персонификации абстрактной категории судьбы, жизненного пути, представленного в виде живого существа, на «умилостивление» которого направлены старания адресата сообщения.

Time is jealous of you, and wars against your lilies and your roses [Wilde O. The Picture of Dorian Gray, 2014].

Время ревниво, оно покушается на лилии и розы, которыми одарили вас боги [Уайльд О. Портрет Дориана Грея, 2016].

Первичное значение выражения *lilies and roses* следующее “*flowers*”.

1. (конт.)

Метафоризации подвергаются номинации цветов – лилий и роз – которые в данном случае выступают символами “*gifts of gods*” (дары богов), всех радостей и удовольствий, доступных человеку в жизни. Это и доказывает многозначность данного выражения. Использование названий цветов позволяет повысить категорию иносказательности повествования, осуществить репрезентацию глубокого философского подтекста, не прибегая к прямой номинации.

But to suffer for one's own faults- ah! there is the sting of life [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Но страдать за собственные ошибки — это самое горькое, что может быть в жизни [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *sting* имеет следующее значение “*the sharp needle-shaped part of an insect's or animal's body, with which it stings you*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном фрагменте абстрактная категория наделяется свойствами живого существа – жалом, другими словами, осуществляется формирование персонификации, репрезентация абстрактной категории жизнь, жизненный путь качестве одушевленного существа. Под влиянием дискурсивного контекста предметно-логическое значение “жало” дополняется контекстуальным “*bitter*” (горечь), доказывая, что этот пример основан на многозначности.

Использование междометий способствует приданию высказыванию характера живой, звучащей речи, а использование средств экспрессивного

синтаксиса позволяет отразить отношение адресата к содержанию информационного сообщения, осуществить функцию характеристики.

Mrs. Arbuthnot: A kiss may ruin a human life. I know that too well [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].

Миссис Арбетнот (оборачиваясь). Поцелуй может погубить всю жизнь, Джордж Харфорд. Я это знаю. Знаю слишком хорошо [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009].

Первичное значение глагола *ruin* следующее “*to spoil or destroy something completely*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном фрагменте метафора выражается посредством использования глагола *ruin*, изначальное значение которого сводилось к разрушению материальных объектов, под влиянием контекстуального окружения формируется новое значение лексической единицы – “*scuttle*” (погубить), которое автор применяет к абстрактной категории человеческой жизни. Это доказывает, что данный пример основан на многозначности.

You would have to be to him the mask of his real life, the cloak to hide his secret [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Вы станете ширмой для его тайной жизни, маской, скрывающей его секрет [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *cloak* имеет следующее значение “*a warm piece of clothing like a coat without sleeves that hangs loosely from your shoulders*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014].

В приведенном фрагменте вновь отмечается перенос качеств неживого объекта на живое существо. В результате расширения семантической структуры слова, номинация верхней одежды приобретает значение “*screen*” (ширма), прикрытия чего-либо, в данном конкретном случае, – неблагоприятных поступков мужа. В результате использования метафоры передаются негативные коннотации говорящего по отношению к

описываемой ситуации, осуществляется репрезентация его отношения к информации, о которой говорится в сообщении.

For one moment our lives met - our souls touched [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

На мгновение наши жизненные пути скрестились, наши души коснулись друг друга [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Первичное значение лексемы *life* следующее “*the period of time when someone is alive*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном примере лексема *life* приобретает значение жизненный путь (*race*). В результате метафорического переосмысления абстрактная категория “жизнь” наделяется свойствами конкретной, получает возможность пересекаться, скрещиваться, касаться. Из этого следует, что данный пример основан на многозначности. Использование притяжательного местоимения *our* позволяет усилить собирательное значение синтаксической конструкции.

Использование личного местоимения *I* позволяет акцентировать внимание на личности говорящего, усиливая внимание на данном персонаже, подчеркивая его роль в структуре произведения.

I feel a passion awakening within me that I never felt before [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Во мне просыпается какое-то чувство, еще никогда не испытанное [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994]

В приведенном фрагменте осуществляется перенос свойств живой личности на чувство, эмоциональное состояние, которое получает возможности засыпать, просыпаться.

Персонификация дополняется повтором – множественным использованием личного местоимения *I*, что позволяет акцентировать внимание читателя на личности говорящего, осуществить репрезентацию внутреннего состояния героини, отразить ход ее внутренних переживаний, хода мыслей. В тексте перевода указанные аспекты отсутствуют.

A moment may ruin a life [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Одна минута может загубить целую жизнь [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

В рамках данного примера, метафорическому переосмыслению подвергается глагол *ruin*, имеющее следующее значение “*to spoil or destroy something completely*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

1. *scuttle* (произв.)

В приведенном фрагменте метафора выражается посредством использования глагола *ruin*, изначальное значение которого было связано с разрушением материальных объектов, под влиянием контекстуального окружения формируется новое значение лексической единицы – “*scuttle*” (загубить), которое автор применяет к абстрактной категории человеческой жизни. Это доказывает, что данный пример основан на многозначности.

Кроме того, автор прибегает к антонимическому противопоставлению референтов временных категорий: «*a moment*» используется в качестве антонима «*a life*», длительного периода времени, в результате чего передается значение высокой важности, актуальности в жизни человека каждого текущего мгновения, каждого момента жизни. В результате антонимического сопоставления усиливается образность, экспрессивность повествования.

Why is he not here, to wake by passionate words some fire within me?
[Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Он должен был встретить меня, он должен был согреть меня словами любви [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Первичное значение глагола *wake* следующее “*to stop sleeping, or to make someone stop sleeping*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном фрагменте данный глагол принимает значение “*get warm*”. Свойствами живого существа наделяется огонь, который должен «проснуться» в героине. Использование метафоры позволяет представить

читателю ход внутренних мыслей, эмоциональное состояние героини, ее переживания.

Dare! Oh! to save you from the abyss into which you are falling, there is nothing in the world I would not dare, nothing in the whole world [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Да ради того, чтоб удержать вас на краю пропасти, в которую вы готовы упасть, я посмела бы все на свете! [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *abyss* имеет следующее значение “*a deep empty hole in the ground*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В данном примере автор использует лексему *abyss* в ее производном значении – “*a very dangerous or frightening situation*”, и наделяет абстрактное существительное свойствами географической реалии – пропасти. В результате метафорического переосмысления, представления сложной жизненной ситуации в виде пропасти повышается образность, экспрессивность высказывания. Следует отметить, что в тексте оригинала репрезентация кризисной ситуации осуществляется посредством фразеологических конструкций, что позволяет повысить прецедентность высказывания.

Усиление образности, выразительности достигается посредством средств экспрессивного синтаксиса, использования восклицательных предложений, которые позволяют отразить состояние внутреннего волнения говорящего.

В рамках английского текста автор прибегает к использованию повтора (*nothing in the world*), позволяющего акцентировать внимание читателя на семантическом наполнении указанной синтаксической конструкции, подчеркнуть главную мысль информационного сообщения.

Следует отметить, что автор достаточно часто прибегает к персонификации мифологических существ, явлений жизни, которые представлены в произведениях как живые существа, например:

Death fought with me for you. All women have to fight with death to keep their children. Death, being childless, wants our children from us. [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].

Смерть боролась со мной из-за тебя. Всем женщинам приходится с ней бороться за жизнь своих детей. Смерть бездетна и потому хочет отнять детей у нас. [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009]

Первичное значение лексемы *death* следующее “*the end of the life of a person or animal*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

1. *a creature that looks like a human skeleton, used in paintings, stories etc to represent the fact that people die* (конт.)

В приведенном фрагменте лексема *death* приобретает следующее значение “*a creature that looks like a human skeleton, used in paintings, stories etc to represent the fact that people die*”. Окончание человеческой жизни представлено в виде персонифицированного образа Смерти, образа бездетной женщины, которая наделяется способностями бороться за ребенка, стремится отнять его у матери. В результате метафоризации автор акцентирует внимание читателя на сложном, полном трудностей пути главной героини, а в ее образе – всех женщин, которым приходится бороться за жизнь своего ребенка, максимально полно раскрывается образ главной героини – «женщины, не стоящей внимания», которая из эпизодического персонажа в начале произведения становится главным действующим лицом.

Всего нами было обнаружено 22 случая функционирования метафоры. Другие случаи использования метафоры, основанной на многозначности, перечислены в приложении.

Таким образом, метафора, основанная на использовании многозначных слов, выступает эффективным инструментом повышения образности, выразительности повествования, что обуславливает множественное

использование данного стилистического приема в тексте художественного произведения. Метафорическому переосмыслению могут подвергаться различные части речи в зависимости от прагматической функции, которую ставит перед собой автор.

2.2 Роль и значение метонимий

Одним из наиболее экспрессивных средств выразительности в англоязычных художественных дискурсах выступает метонимия – фигура речи, переносное значение которой формируется на основании смежности, общности различных категорий; «отношение между двумя типами лексических значений — предметно-логического и контекстуального, основанное на выявлении конкретных связей между предметами» [Гальперин 1958: 130]. Следует отметить, что длительное время изучение метонимии осуществлялось в рамках учений о метафоре, причем, под метонимией понимался лишь один из видов метафорического переосмысления действительности. Лишь в последние десятилетия прошлого века стали появляться самостоятельные изучения непосредственно метонимии, которая все чаще стала пониматься в качестве не только стилистической фигуры, обеспечивающей выразительно дискурса, коммуникативной ситуации, но и когнитивный процесс, а также результат этого процесса.

Метонимический перенос может осуществляться на смежности самых различных категорий, включая категории – действие – результат, место – событие, материал – изготовление, производитель – произведенное и пр.

Thin-lipped wisdom spoke at her from the worn chair, hinted at prudence, quoted from that book of cowardice whose author apes the name of common sense [Wilde O. The Picture of Dorian Gray, 2014].

Ее мать, словно олицетворение узкогубой Мудрости, взывала к дочери из потертого кресла, умоляя ее проявлять благоразумие и

осторожность, подкрепляя свои призывы цитатами из Книги малодушия, написанной автором, называющим себя Здравым Смыслом [Уайльд О. Портрет Дориана Грея, 2016].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *wisdom* имеет следующее значение “*good sense and judgment, based especially on your experience of life*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В приведенном фрагменте данное значение приобретает значение “*mother*”. Метонимический перенос осуществляется на основании смежности категорий «качество личности – целостный образ личности», мудрость, которая наделяет автор образ матери используется для репрезентации этого образа. Усиление экспрессивности достигается посредством использования авторского эпитета *thin-lipped* для описания абстрактного понятия, в результате чего абстрактная категория подвергается персонификации, представлена как одушевленное существо.

Кроме того, в рамках приведенного фрагмента метафорическому переосмыслению, персонификации подвергается абстрактная категория *common sense*, которая наделяется признаками, характеристиками, способностями живого существа, возможностями писать «*book of cowardice*» (книга малодушия). Следует отметить, что в данном случае осуществляется индивидуально-авторское переосмысление позитивных коннотаций *common sense*, которые традиционно вызывают позитивные ассоциации. Под влиянием контекста указанная категория приобретает негативное значение, сближаясь с *cowardice*. Другими словами, осуществляется изменение традиционного положительного семантического наполнения способности человека рассуждать здраво на формирование негативного смысла, воспринимаясь как страх, боязнь свершения поступков, прикрываясь доводами здравого смысла. Таким образом, это доказывает, что в основе метонимического переноса лежит многозначность.

A thing more tragic than all the tears the world has ever shed [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Вещь более горестная, чем все слезы, которые льются в мире [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *tears* имеет значение “*drops of salty liquid that comes out of your eye when you are crying*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

1. *sorrow* (конт.)

В приведенном фрагменте автор использует значение “*sorrow*”. Метонимический перенос осуществляется на основании смежности категорий причина (*tragic*) – следствие (*tears*), пространство – люди, населяющие его, в результате чего формируется контекстуальное значение лексемы: слезы как горести всеми мира, как символ мирового горя. При формировании указанного символа автор прибегает к гиперболизации, максимально возможного увеличения масштабов до мировых, глобальных размеров.

Таким образом, это доказывает, что в основе метонимического переноса в данном примере лежит многозначность.

В отдельных случаях автор использует аналогичный метонимический перенос, меняя при этом масштабность пространства:

The whole London knows it [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Весь Лондон это знает [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Первичное значение лексемы *London* следующее “*the capital of UK*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

Перенос на основании смежности пространства и людей, его населяющих, в данном случае приобретает большую масштабность: номинация *London* направлена на репрезентацию не отдельной части общества, отдельных социальных слоев, но на все население города (“*citizens of London*”). Увеличение масштабности, в свою очередь, приводит к гиперболизации повествования, способствуя повышению выразительности, образности текста.

Это доказывает, что данный пример основан на многозначности.

*It was only Berwick's brutal and incessant threats of suicide that made me accept him at all, and before the year was out, he was running after **all kinds of petticoats, every colour, every shape, every material*** [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

*Берик только тем и добился моего согласия, что упорно и тупо грозил покончить с собой. А не прошло и года, как он уже бегал за **каждой юбкой — любого цвета, любого фасона, из любой материи*** [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *petticoats* имеет значение “*a piece of women's underwear like a thin skirt or dress that is worn under a skirt or dress*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В данном случае автор использует метонимический перенос, часть – целое, наименования предмета одежду для репрезентации образа женщины (“*lady*”) в целом. Использование многозначной лексемы позволяет повысить образность повествования, повысить категорию его прецедентности.

Данный прием дополняется автором - *every colour, every shape, every material* – осуществляя характеризацию персонажа. Акцент внимания реципиента на том, что муж действительно «*was running after all kinds of petticoats*» достигается посредством множественного повторения прилагательного «*every*», тавтологии, которая моделирует своеобразную семантическую амплификацию, градацию, усиливая воздействие на читателя.

*The youth of the present day are quite monstrous. They have absolutely no respect for **dyed hair*** [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

*С нынешней молодежью просто сладу нет. Никакого уважения к **крашеным волосам*** [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

Первичное значение словосочетания *dyed hair* следующее “*the hair that changed color*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В рамках приведенного фрагмента метонимия основывается на основании переноса значения на основании смежности части – целого,

использования номинации части тела (*dyed hair*) в качестве референта человека. Упоминание крашеных волос в данном случае используется для репрезентации образа более опытного человека (*“the elderly”*), старшего поколения, опыт которого, по мнению говорящего, молодежь не учитывает. Таким образом, это доказывает, что в основе метонимического переноса в данном примере лежит многозначность. Посредством использования метонимического переноса на основании часть – целое автор, таким образом, моделирует образ не просто отдельной личности, но целого поколения, отражает конфликт отцов и детей.

Необходимо отметить, что в оригинале О. Уайльд прибегает к использованию прилагательного с ярко выраженным негативным значением – *«monstrous»*, что позволяет усилить негативное оценивание говорящим молодого поколения.

Необходимо отметить, что номинации сердца достаточно часто выступают основой для формирования устойчивых конструкций в английском языке, принимают активное участие в процессах моделирования паремиологической национальной картины мира. В качестве примера создания метонимии посредством обращения к переносным значениям лексемы «сердце» может выступать следующий:

Hearts live by being wounded [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017]

Сердце живет ранами [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009].

Согласно словарю Longman Dictionary of Contemporary English лексема *heart* имеет следующее значение *“the organ in your chest which pumps blood through your body”*. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В данном случае формирование метонимии основывается на переносе значения на основании смежности часть – целое, номинация сердца в данном случае употребляется не только для репрезентации отдельной личности, но

для всего человечества (*“people”*), что усиливается в тексте благодаря использованию множественного числа существительного.

Исходя из этого, можно сделать вывод что данный стилистический прием основан на многозначности.

*If you pretend to be good, **the world** takes you very seriously. If you pretend to be bad, it doesn't* [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

*А кроме того, тех, кто притворяется хорошим, **свет принимает всерьез**, тогда как тех, кто притворяется плохим, — нет.* [Уайльд О. Беер леди Уиндермир, 1994].

Первичное значение лексемы *world* следующее *“the planet we live on, and all the people, cities, and countries on it”*. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

1. *the society that we live in, the way people behave, and the kind of life we have* (конт.)

В приведенном фрагменте метонимическому переосмыслению подвергается существительное *«world»*, которое в данном примере имеет значение *“the society that we live in, the way people behave, and the kind of life we have”*. В основе данного приема лежит многозначность. Необходимо отметить, что в рамках небольшого по объему фрагмента отмечается одновременная метонимизация существительного, наделение его характеристиками живого существа, так и репрезентация в виде неодушевленного объекта посредством использования соответствующих морфологических средств – существительного *it*.

Необходимо отметить, что в рамках приведенного фрагмента метонимия дополняется параллелизмом, использованием параллельных синтаксических конструкций *If you pretend to be*, что обеспечивает структурирование текста, ее членимость, формирует определенную тавтологию, акцентируя внимание на условном характере предполагаемых действий (*If*). В свою очередь, использование антонимов *good - bad*, в структуре параллелизма позволяет усилить образность дискурса посредством

внедрения эффекта неожиданности, использования прилагательного с антонимическим значением в рамках аналогичной синтаксической конструкции.

Всего в рассмотренных произведениях нами было обнаружено 13 случаев функционирования метонимии.

Оригинальное произведение, таким образом, выступает отражением социокультурной реальности английского общества конца XIX столетия, что может привести к возникновению затруднений с интерпретации у современного читателя.

Таким образом, в структуре авторского текста представлены многочисленные метонимические конструкции, переносы, основанные на смежности различных категорий. Использование метонимий позволяет придать повествованию выразительность, экспрессивность, повысить категорию прецедентности дискурса.

2.3 Каламбур в художественном пространстве О. Уайльда

Одним из эффективных приемов повышения образности, выразительности текста, основанных на расширении семантической структуры лексемы, выступает каламбур – литературный прием, сущность которого заключается в обыгрывании различных денотатов одного слова, употребления лексемы в разных значениях; «литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов или словосочетаний, тождественных или сходных по звучанию» [Galperin 1978: 148].

Примерами функционирования каламбура в рамках художественного текста могут выступать следующие:

You'll carry it so gracefully. You would carry off anything gracefully, dear Lord Augustus [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Вы будете его так грациозно нести. Да вы все что угодно можете снести грациозно, дорогой лорд Огастус [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

В рамках приведенного фрагмента моделирование каламбура осуществляется на основании обыгрывания значений глагола «*carry*», первичное значение которого “*to hold something in your hand or arms, or support it as you take it somewhere*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] В данном примере глагол “*carry*” приобретает значение “*to do something difficult successfully*”.

В результате обыгрывания различных значений глагола осуществляется перенос действия с конкретной коммуникативной ситуации (нести веер) на характеристику личности в целом, представление персонажа как человека, способного с легкостью преодолеть любые трудные ситуации в жизни. Из этого следует, что данный пример основан на многозначности.

Lord Darlington: Ah, nowadays we are all of us so hard up, that the only pleasant things to pay are compliments. They are the only things we can pay [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Да, все мы сейчас так обеднели, что комплименты — это единственное подношение, какое мы можем себе позволить. Ничего другого мы просто не в состоянии преподнести [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

В данном случае автор обращается к употреблению глагола “*to pay*” в значении “*to give someone money for something you buy or for a service*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]. Также автор использует вторичное значение “*to say something good or polite about or to someone*”.

В первом случае значение лексемы сводится к «внесению платы за что-либо», приобретение чего-либо, используется преимущественно для описания социально-материального статуса личности; во втором – «сделать подношение, дать, подарить в знак уважения», другими словами, описание относится преимущественно к сфере межличностных отношений. В

результате игры слов осуществляется характеристика личности, репрезентация его мировосприятия, своеобразной философии.

*Lady H.: she lets her clever **tongue run away** with her.*

*Lady C.: is that the only Mrs. Allonby allows **to run away with her**? [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005]*

*Леди Ханстентон. Она иногда уж слишком **дает волю своему острому язычку.***

*Леди Кэрлайн. Разве миссис Оллонби только в **этом одном дает себе волю?** [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994]*

Фразовый глагол *run away* имеет следующие значения:

1. *let out a secret*
2. *not to restrain oneself*

В рамках приведенного фрагмента автор обращается к обыгрыванию семантических значений глагола *run away*, который в первом случае имеет значение “*let out a secret*” (проговариваться, говорить лишнее). Как правило, устойчивая конструкция носит для выражения презрительного отношения говорящего, в разговорном функциональном стиле.

Во втором случае глагол также используется для формирования просторечного фразеологизма со значением “*not to restrain oneself*” (не сдерживать себя, делать что-то предосудительное, потакая собственным слабостям). Другими словами, если первая синтаксическая конструкция направлена преимущественно на характеристику речевого поведения персонажа, вторая – выступает более общей, направлена на характеристику личности в целом. Из этого следует, что данный стилистический прием основан на многозначности.

Кроме того, обращение к каламбуру, языковой игре позволяет повысить выразительность произведения, создать комический эффект высказыванию.

*Lord Goring: My dear farther, only people who **look dull** ever get into the House of Commons, and only people **who are dull** ever succeed there [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].*

*Дорогой отец, только **скучные люди** проходят в парламент. **И только тупицы** там преуспевают [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].*

В приведенном примере лексема *dull* используется в нескольких значениях:

1. *not interesting or exciting* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

2. *stupid* (конт.)

В приведенном фрагмента автор обыгрывает значения прилагательного “*dull*”, которое в первом случае используется в значении “*not interesting or exciting*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] (выглядеть скучным, испытывающим скуку, неинтересным и пр.), во втором – в значении “*stupid*” (тупой, неспособный, непонятливый, несообразительный). В результате использования языковой игры формируется комический эффект повествования, осуществляется репрезентация авторского отношения к парламенту и политике в целом, его восприятие политиков.

*LADY CAROLINE. I believe this is the first English **country house** you have stayed at, Miss Worsley?*

HESTER. Yes, Lady Caroline.

*LADY CAROLINE. You have no **country houses**, I am told, in America?*

HESTER. We have not many.

*LADY CAROLINE. Have you **any country**? What we should **call country**?*

*HESTER. [Smiling.] We have **the largest country** in the world, Lady Caroline [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].*

*Леди Кэролайн. Мисс Уэрсли, вам, кажется, впервые приходится гостить в **английском поместье**?*

Эстер. Да, леди Кэролайн.

Леди Кэрролайн. У вас в Америке нет помещичьих домов, как мне говорили?

Эстер. У нас их не много.

*Леди Кэрролайн. А **деревня** у вас есть? То есть то, что мы назвали бы "**деревенским простором**"?*

*Эстер (улыбаясь). У нас есть просторы, **наша страна** самая обширная на всем свете [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009]*

В рамках данного фрагмента автор использует в разных значениях существительное *country*:

1. *land that is outside towns and cities, including land used for farming* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

2. *an area of land that is controlled by its own government, president, king etc.* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

В первом случае лексема употребляется в значении “*land that is outside towns and cities, including land used for farming*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] (деревня, поместье), во втором – “*an area of land that is controlled by its own government, president, king etc.*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] (страна, государство). Использование каламбура позволяет подчеркнуть различия английской и американской социокультурной реальности, укладе жизни, обычаях и традициях стран, акцентируя внимание, таким образом, на противопоставлении Эстер традиционному английскому обществу. Таким образом, это доказывает, что в основе метонимического переноса в данном примере лежит многозначность.

Использование лаконичных, кратких фраз, вопросительных синтаксических конструкций позволяет придать повествованию форму живой, разговорной речи, живого диалога между персонажами, подчеркнуть наиболее значимые характеристики персонажей (к примеру, тот факт, что Эстер – американка), без которых понимание идеи и содержания произведения представляется невозможным.

“Mrs. Allonby: the one advantage of **playing with fire** is that one never gets even singed. It is the people who do not know how to **play with it** who get burned up” [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].

Первое условие игры с огнем, леди Кэрлайн, в том, чтобы даже не обжечься. Обжигаются только те, кто не знает правил игры [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009].

В приведенном фрагменте автор обыгрывает значение фразеологической конструкции «*to play with fire*», которое одновременно используется в разных значениях. В первом случае данная конструкция имеет значение “*to do something that could have a very dangerous or harmful result*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] Во втором случае использовано значение “*spoil someone's reputation*”.

В результате обращения к различным значениям устойчивой конструкции позволяет осуществить формирование языковой игры, повысить интертекстуальность произведения, его образность и выразительность.

*Jack: as far as I can **make out**, the poachers are the only people who **make anything out** of it* [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

*Мне кажется, что пользу из моего поместья **извлекают** только браконьеры* [Уайльд О. Как важно быть серьёзным, 2009].

Моделирование каламбура в приведенном фрагменте осуществляется на основании использования следующих значений глагола *make out*. В первом случае использовано значение “*to understand something, especially the reason why something has happened*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014], во втором – “*to succeed or progress in a particular way*”.

Это доказывает, что данный стилистический прием основан на многозначности. Таким образом, употребление глагола в различных значениях позволяет создать языковую игру, придать повествованию комический эффект.

Всего было обнаружено 11 случаев функционирования каламбура.

Как видно из проведенного анализа, О. Уайльд достаточно часто обращается к каламбуру в процессе моделирования художественного пространства. Использование данного стилистического приема, основанного на использовании различных денотативных значений в рамках контекста, позволяет одновременно реализовать функции характеристики персонажей, глубже раскрыть их сущность перед читателем, создать комический эффект в тексте, повысить выразительность повествования.

2.4 Инструменты моделирования иронии

Ирония – сатирический прием, направленный на высмеивание чего – либо, как и другие стилистические приемы, основывается на многозначности, на искажении буквального, оригинального значения, намеренного использования слов в их переносном смысле, который зачастую выступает кардинально противоположным буквальному; «стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [Гальперин 1958: 133]. Более того, под влиянием контекстуального окружения формируются значения, практически полностью исключаящие друг друга. Ирония практически неизменно присутствует в художественных дискурсах, и произведения О. Уайльда не являются исключением.

Примерами функционирования иронии в художественном пространстве могут выступать следующие:

*Now produce your **explanation**, and pray make it **improbable*** [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

*А теперь я слушаю **твое объяснение** – только позаботься о том, чтобы оно звучало как **можно более неправдоподобно*** [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

Первичное значение существительного *explanation* следующее “*the reasons you give for why something happened or why you did something*”. [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]. В данном случае автор использует противоположное значение “*a statement or piece of writing intended to describe how something works or make something easier to understand*”.

Другими словами, по своей сути, объяснение всегда направлено на устранение непонятных моментов, подразумевает искренность объяснений героев повествования, используется для пояснения причин собственных поступков, поведения и пр.

Под влиянием контекстуального окружения оригинальные денотативные значения слова не представлены, существительное используется для номинации изначально неправдоподобной истории, выдумки, вымысла, что достигается посредством характеристики объяснения как «*improbable*», что осознается обоими участниками взаимодействия, в результате чего оригинальное значение полностью трансформируется, искажается, существительное приобретает прямо противоположное значение, что, в свою очередь, формирует иронию повествования.

Algernon - I haven't the smallest intention of doing anything of the kind. To begin with, I dined there on Monday, and once a week is quite enough to dine with ones own relations...

*Algernon - I am afraid, Aunt Augusta, **I shall have to give up the pleasure of dining with you to-night after all*** [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

Алджернон. Не имею ни малейшего желания. Начать с того, что я обедал у нее в понедельник, а обедать с родственниками достаточно и одного раза в неделю...

*Алджернон. Боюсь, тетя Огаста, я **вынужден буду отказаться от удовольствия** сегодня у вас обедать* [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

Английское существительное *pleasure* может интерпретироваться как “*the feeling of happiness, enjoyment, or satisfaction that you get from an experience*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014] (приятные ощущения, удовлетворение, наслаждение, счастье; чувственное удовлетворение; то, что нравится, приносит удовольствие). В приведенном контексте слово приобретает обратное семантическое значение “*duty*” (тягостной повинности, обязанности, которой говорящий стремится любой ценой). Другими словами, формируется моделирование иронии, комического эффекта повествования благодаря искусной маскировке собственных ощущений при помощи подчеркнуто вежливых комплиментов. Это показывает, что данный прием основан на многозначности.

*Lady Bracknell - Do you **smoke**?*

*Jack. - Well, yes, **I must admit I smoke.***

*Lady Bracknell - I am glad to hear it. A man should always **have an occupation of some kind*** [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

*Леди Брэкнелл. **Вы курите?***

*Джек. **Должен признаться, курю.***

*Леди Брэкнелл. **Рада слышать. Мужчине нужно иметь какое-нибудь занятие*** [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

Первичное значение лексемы *smoke* следующее “*an act of smoking a cigarette etc*” [Longman Dictionary of Contemporary English, 2014]

Под влиянием контекста вредная привычка, курение, которое традиционно порицается, приобретает позитивное значение, становится определенным родом занятий мужчины (“*occupation*”). Другими словами, из недостатка возводятся в личностные достоинства, в результате чего формируется ироничность повествования.

Использование кратких, лаконичных вопросительных конструкций позволяет придать высказыванию динамизм, отразить характер живой, звучащей речи.

A girl with a simple, unspoiled nature, like Gwendolen, could hardly be expected to reside in the country [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

Такая девушка, как Гвендолен, с ее простыми, неиспорченными вкусами, вряд ли сможет поселиться в деревне [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

В приведенном фрагменте ирония используется с целью характеристики персонажа: описание девушки «*with a simple, unspoiled nature*» под влиянием контекстуального окружения приобретает прямо противоположные коннотации, в результате чего Гвендолен представлена как весьма далекая от простой деревенской жизни, привыкшая к роскоши, городским развлечениям.

Достаточно часто ирония используется автором для отражения наиболее острых социальных проблем современности:

I am sick to death of cleverness. Everybody is clever nowadays. You can't go anywhere without meeting clever people. The thing has become an absolute public nuisance. I wish to goodness we had a few fools left. [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

Я по горло сыт остроумием. Теперь все стали умниками. Шагу не ступишь, чтобы не встретить умного человека. Это становится национальным бедствием. Ах, если бы у нас осталась хоть парочка дураков. Увы, ни одного не найдешь [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

В рамках приведенного фрагмента автор вновь прибегает к кардинальному изменению традиционного оценивания, семантического значения оппозиционных категорий ум – глупость. Причем, ум, умные люди представлены в негативном свете. Формирование негативных коннотаций достигается посредством прямого оценивания говорящим (*I am sick to death*), использования фразеологической конструкции, которая позволяет отразить отношение к умным людям, повысить прецедентность текста; а также

посредством обращения к гиперболизации, преувеличения, восприятием того, что увеличение количества умных людей представляет собой национальное бедствие (*an absolute public nuisance*), приобретает глобальные масштабы.

Всего нами было обнаружено 20 случаев функционирования иронии.

Использование иронии позволяет в комической форме отразить состояние современного автора английского общества, его восприятия социальных проблем, особенностей социального развития.

Таким образом, авторское повествование характеризуется высоким уровнем ироничности, описания тех или иных событий, феноменов, художественных образов в ироническом свете. Чаще всего моделирование иронии осуществляется на основании развития многозначности лексемы до ее кардинальной противоположности, нетрадиционного, авторского использования буквального значения слова в соответствии с поставленными прагматическими целями, авторскими интенциями.

2.5 Зевгма в произведениях О. Уайльда

Зевгма представляет собой стилистическую фигуру, которая состоит из двух слов или синтаксических конструкций, содержание которых не подходит друг другу; «отношение одного слова одновременно к двум другим в разных смысловых планах» [Гальперин 1958: 155]. В результате намеренного использования конструкций, значение которых не подходит друг другу формируется комический эффект, повышается выразительность высказывания по причине новизны, необычности сообщения.

Примерами использования зевгмы в произведениях О. Уайльда могут выступать следующие:

Oh, flowers are as common here, Miss Fairfax, as people are in London [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

О, цветов тут столько же, сколько в Лондоне людей [Уайльд О. Как важно быть серьёзным, 2009].

В результате совмещения номинаций людей и цветов, одушевленных и неодушевленных категорий люди приравниваются к цветам, отражая мировосприятие персонажа. Посредством зевгмы, таким образом, автор осуществляет характеризацию персонажа, повышает образность повествования.

Следует отметить, что использование междометия *Oh* позволяет придать повествованию характер живой, звучащей речи, отразить эмоциональное волнение говорящего, его состояние смятения.

Now, Tuppy, you've lost your figure and you've lost your character. Don't lose your temper; you have only got one [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

Дорогой Туппи, вы уже потеряли стройность фигуры и потеряли доброе имя. Так не теряйте хоть терпения — нового не найдешь [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

В рамках приведенного фрагмента автор обыгрывает многозначность глагола «*lost*», оригинальное значение которого сводится к лишению чего-либо, утраты вследствие собственной небрежности, относится преимущественно к конкретным объектам социально-природной окружающей среды. В данном случае автор использует глагол по отношению к внешнему виду персонажа (*your figure*), особенностям его социального положения (*lost your character*), а также личностных качеств (*Don't lose your temper*). Другими словами, в рамках приведенного фрагмента осуществляется сопоставление отдельных, различных, неожиданных категорий.

Кроме того, множественное использование глагола, тавтология позволяет акцентировать внимание на утрате персонажем и внешней

привлекательности, и репутации, осуществить характеристику персонажа, представить его внешний вид, положение в обществе и личностные особенности читателю.

Усиление категории утраты достигается посредством антонимического сопоставления: *lost – have got*.

London is too full of fogs and – and serious people, Lord Windermere [Wilde O. Lady Windermere's Fan, 2005].

В Лондоне слишком много туманов и... и серьезных людей, лорд Уиндермир [Уайльд О. Веер леди Уиндермир, 1994].

В рамках приведенного фрагмента автор прибегает к перечислению несовместимых явлений – *fogs and – and serious people*, в результате подобной вербализации формируется стилистический потенциал повествования, осуществляется нарушение логики повествования, направленная на повышение выразительности произведения.

Использование прерывания речи, отражает прерывистость хода мыслей героини, их спутанность, подчеркивает ее рассеянность, возбужденное состояние.

Poor Lord Belton died three days afterwards of joy, or gout [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].

Бедный лорд Белтон скончался через три дня не то от радости, не то от подагры [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009].

В рамках приведенного фрагмента автор намеренно использует несовместимые понятия – *joy* и *goat*– с целью создания комического эффекта. В то же время, подобная вербализация позволяет осуществить характеристику персонажа, отразить особенности его мировосприятия.

К аналогичной реализации функции характеристики при помощи использования зевгмы автор прибегает в рамках следующего фрагмента:

To win back my youth, Gerald, there is nothing I wouldn't do – except take exercise, get up early, or be a useful member of the community [Wilde O. A Woman of No Importance, 2017].

Для того чтобы вернуть свою молодость, Джеральд, я готов делать все – только не вставать рано, не заниматься гимнастикой и не быть полезным членом общества [Уайльд О. Женщина, не стоящая внимания, 2009].

Совмещение референтов здорового образа жизни (*take exercise, get up early*) дополняется указанием отсутствия желания быть «*be a useful member of the community*». В результате подобного совмещения реалий осуществляется самопрезентация персонажа, отражение его мировосприятия, характеристика в качестве циничной личности, отрицающей социально одобряемые поведенческие стереотипы.

Зевгма выступает эффективным инструментом формирования комического эффекта, например:

*Well, he said at dinner on Wednesday night, that you would have to choose between **this world, the next world, and Australia*** [Wilde O. The Importance of Being Earnest, 1994].

*В среду за обедом он так и сказал, что вам предстоит выбирать между **этим светом, тем светом и Австралией*** [Уайльд О. Как важно быть серьезным, 2009].

В приведенном фрагменте автор обращается к обыгрыванию коннотативных значений существительного *world*, в результате чего различные значения одного слова формируют противоположные значения, антонимическое противопоставление этого света и того света, мира живых загробному миру, царству вечности. Антонимическое противопоставление, абстрактные категории мира живых и загробного мира дополняются номинацией географической реалии – Австралии. В результате подобной вербализации осуществляется искажение логики повествования, формируется комический эффект произведения, проявляется авторская инновационность.

Всего в рассмотренных произведениях нами было обнаружено 6 случаев функционирования зевгмы.

Таким образом, в произведениях О. Уайльда автор достаточно часто обращается к использованию зевгмы, повышающих экспрессивность и выразительность произведению, придающих новизну повествованию. Многочисленные стилистические приемы, в том числе, – и зевгма, выступают основой особой поэтики индивидуально-авторского стиля О. Уайльда, формируют специфику, особенности повествования.

Выводы по Главе 2

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в художественном пространстве О. Уайльда успешно фигурируют все виды стилистических фигур, основанные на переосмыслении семантической структуры многозначных слов, включая метафоры, метонимии, зевгмы, каламбуры, иронию.

Метафоры представляют собой один из наиболее эффективных инструментов переосмысления объектов, явлений и процессов, что обуславливает их множественное функционирование в художественном пространстве. Метафорическому переосмыслению подвергаются различные части речи в зависимости от прагматической функции, которую ставит перед собой автор.

Не менее высоким стилистическим, образным потенциалом обладает и метонимия – стилистический прием, фигура, основанная на основании смежности, общности различных категорий. В рамках художественных текстов О. Уайльда успешно функционируют различные метонимии, основанные на смежности имя собственное – место, процесс – место, здание – социальный институт.

Многочисленные персонификации, «живые» объекты окружающей социально-природной действительности выступают основой особой поэтики индивидуально-авторского стиля О. Уайльда, формируют специфику, особенности повествования.

Кроме того, автор прибегает к различным средствам моделирования ироничности высказывания.

Заключение

В результате интенсивных темпов развития наук лингвистического цикла в прошлом столетии в центре внимания ученых оказались многочисленные аспекты языковой системы, взаимодействия языка и мышления. Одной из ключевых категорий лингвистики стала категория семантического значения слова, и многозначность как ее неотъемлемая составляющая.

По своей сути явление многозначности представляет собой результат реализации когнитивных процессов, познания, номинации и категоризации социально-природной окружающей среды, универсальное явление, обусловленное действием закона ассиметричного дуализма языкового знака, согласно которому и обозначающее, и обозначаемое стремятся «выйти» из рамок, назначенных им партнером, отсутствием единой, однозначной связи между обозначением и обозначаемым.

Явление многозначности обусловлено самой сущностью слова как семантической структуры, семантического конструкта, включающего в себя всю совокупность инвариантов значения, объединение слов разных частей речи, которые на уровне своих лексических значений имеют общую (интегральную) сему.

Необходимо отметить, что, несмотря на внушительный корпус работ, посвященных изучению явлений омонимии и многозначности единый подход к разграничению указанных категорий отсутствует, что приводит к частому смешению омонимов и полисемантов в структуре художественного дискурса. Принципиальное отличие между данными категориями, процессами заключается в том, что омонимия, по своей сути, представляет собой звуковое совпадение несвязанных по значению слов, многозначность же представляет собой наличие у лексической единицы иметь больше, чем одно значение. Другими словами, в отличие от омонимии многозначность отражает особенности исторического развития национальной языковой

системы, представляет собой результат развития материальной и духовной культуры нации, которое обуславливает необходимость номинации, категоризации объектов окружающей социально-природной среды.

В результате реализации различных типов многозначности в семантической структуре многозначного слова формируются различные типы взаимоотношений, включая смещение, сдвиг, перенос значения, основанный на основании сходства (метафора) или смежности (метонимия); гипербола – крайнее преувеличение масштабов какого-либо явления или объекта и пр.

Иначе говоря, многозначность представляет собой основу для формирования большинства стилистических фигур, которые успешно функционируют в рамках художественных дискурсов, и произведения О. Уальда не являются исключением.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в художественном пространстве О. Уальда успешно фигурируют все виды стилистических фигур, основанные на переосмыслении семантической структуры многозначных слов, включая метафору, метонимию, зевгму, каламбур и иронию.

Автор успешно использует различные типы стилистических фигур, способствуя повышению выразительности, экспрессивности повествования, осуществляя характеристику отдельных художественных образов, отражая авторское оценивание описываемых событий, формируя своеобразную поэтику собственного индивидуально-авторского стиля.